

убирать хлеб, поздно будет строить житницы. Вот почему, любимая, надобно мне, истомившемуся от безделья, впредь не забывать о своем долге и начать хоть какую-нибудь торговлю, а после Оверской ярмарки предпринять путешествие в Англию, откуда я, глядишь, ворочусь с прибылью, и притом смогу видеть и узнать чужие края, чему ранее ставила преграды безумная любовь не желавших терять меня из глаз родителей. На это прекрасная Карита, чью душу во время его речи волновали разные чувства, отвечала:

– Боги праведные! неужели, друг мой, вы теперь так скучаете супружеством, что вопреки старинному обычаю не в силах дожидаться окончания года, дающего всем мужьям право и свободу заниматься их делом? Или вы враг самому себе и, как умалишенный, ищите отдыха в трудах, довольства в бедствии, утешения в скорби и покоя в опасности? Если же вам и правду ведомо, из какого теста странствующие купцы и каким угрозам они подвергают свою несчастную жизнь, то, надо думать, вы ненавидите меня, желая собственной гибели. Ах, отчего удел смертных так жалок и неверен, и вместо чаемой радости они находят печаль? Увы! Когда я была девушкой, то не знала никаких забот (так резвится всюду, где вздумается, еще не испытывавшая гнет ярма телица), но в то мгновение, как я отказалась от моей природной свободы, укрепив якорь жизненных радостей в браке, я обрекла себя терпеть мучительство чужого человека. Если бы муж и жена были единой плотью, и я располагала половиной вас, как вы располагаете половиной меня по своему праву, да и второй половиной по моей доброй воле, – я бы тогда потребовала, чтобы вы предоставили в мое распоряжение по меньшей мере ту вашу половину, которая принадлежит и подчиняется мне. Вы же вопреки моему несогласию и осуждению распоряжаетесь целым, ища общества львов!

Тут она прервала свою речь страстным поцелуем и затем продолжила ее с новым пылом, говоря:

– Наверное, вы пресытились одним кушаньем и теперь хотите перемены. Знаю я: вместе с вами покинет меня и ваша любовь, чтобы обратиться на другую подругу, а там новое пламя заглушит прежнее, чересчур для вас старое; в то время как я, проклиная корыстолюбие, ставшее причиной моих горестей, буду ждать здесь и тревожиться, думая, что какое-то несчастье замедлило ваше желанное возвращение. А что бы помешало мне, коли вы неудержимо рветесь видеть чужие земли, странствовать вместе с вами в мужском платье, как поступила жена царя Митридата?⁴²² Право, если вы меня покинете, мне будет хуже, чем простым сельчанкам: они-то, самое меньшее, видят своих мужей каждый вечер, когда те возвращаются после дневных трудов.

Так, уstraшенное предстоящей разлукой, распалилось нежное сердце влюбленной, точно горны под действием мехов, и от силы этого жара истаявало оно слезами, как весеннее облачко под лучами солнца. И юный супруг, осушая сомкнутыми устами эту теплую росу, молвил ей в ответ:

– Поистине, дорогая, ты не любишь меня, как другие любят своих мужей, если опасешься, что я не сберегу нашу любовь, хотя я и не давал повода к такому подозрению: измена столь далека от моих намерений, что пусть скорее испепелит меня огонь небесный, нежели новая любовь зажжется в моем сердце, увлекая к обману и, разрушению нашего брачного союза. Верьте, любовь к вам не состарится во мне, как вы сказали, но пребудет вечно юной, словно на картинах живописцев, изображающих ее в образе дитяти. А если вы скажете, что живописцы придают ей крылья и тем означают ее быстролетность и непостоянство, я признаюсь: моя любовь по природе своей была такой, ко едва только волей благого рока вы ею завладели, то, как поступает девочка с мотыльком, чтобы он не улетел, отсекли ей крылья весьма коротко, и с тех пор она может порхать лишь рядом с вами. Поэтому не опасайтесь, молю вас, что я, сменив страну и местность, переменюсь к вам; напротив, ожидайте, что моя любовь, подобно жару, разгорающемуся в пепле, будет пылать все сильнее в тайных мыслях о вас, а когда я возвращусь, вы найдете ее столь умножившейся, что поневоле скажете: мой муж ездил наживать доброту и ласковость.

Так утешал мягкосердый Герман свою милую Кариту; она же, начав смиряться, привлекла его томными руками к себе и сказала:

– Мой дорогой друг, вы вольны располагать и собой, и мной по своему усмотрению, ведь единственное мое удовольствие – радовать вас; впрочем, да будет вам известно, что, отказываясь увезти с собой это тело, вы (даже против желания) увезете мое сердце, мою душу и мои нежные

⁴²² *Митридат* – понтийский царь с 123 до 63 г. до н. э.